

Брянцев М.В., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

СОВЕТСКАЯ ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ О ПОЛЬСКО-СОВЕТСКОМ ПЕРЕМИРИИ 1920 Г.

В статье на основе анализа сообщений провинциальной печати о переговорном процессе рассматриваются взаимоотношения Польши и России вплоть до заключения 12 октября 1920 г. перемирия и предварительных условий мира. Исследование провинциальных газет как «Тверская Правда», вологодский «Красный Север», новосибирская «Советская Сибирь» и самарская «Коммуна» показывает, что советская пресса на всем протяжении этого процесса формировала совершенно противоположные образы России и Польши. Советская Россия рисовалась страной, стремящейся к мирному строительству нового общества, на пути которого стояли агрессивные страны капитализма. И роль Польши в этом противостоянии была важнейшей. Польша стремилась стать буфером между Западом и большевистской Россией, на что ее активно толкали Франция и другие страны капитализма. Поведение Польши в процессе переговоров было подвержено колебаниям в зависимости от отношения к ней стран-союзниц и ситуации на фронтах польско-советской войны. Только успехи Красной армии и боязнь окончательного разгрома Польши делало ее и союзников более покладистыми в переговорном процессе. В советском обществе утверждалось недоверие не только к мирным предложениям польской стороны, но и достигнутым договоренностям.

Ключевые слова: Польша, Советская Россия, образ, переговорный процесс, страны капитализма, конфронтация, перемирие, договор.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-01-23-37

История советско-польских отношений имеет богатую историографическую традицию; не только отечественные, но и зарубежные историки активно изучают различные аспекты этих отношений [1, 2, 3]. Правда, исследования, посвященные вопросам формирования образа «другого» в ходе переговорного процесса средствами массовой информации, весьма редки. Исключением является статья А. В. Барынкина, посвященная политической пропаганде в ходе польско-советской войны 1919-1921 гг., где автор на основе анализа материалов газеты «Правда» попытался показать процесс формирования образа Польши [4].

Историографическое состояние проблемы позволяет определить цель данной статьи: исследовать процесс формирования образа Польши в ходе подготовки и заключения перемирия 1920 г. между воюющими сторонами на основе анализа материалов, помещаемых в провинциальной прессе.

В конце января 1920 г. СНК РСФСР обратился к правительству Польши с мирными предложениями. Одновременно ВЦИК, подтвердив эти предложения, обратился к польскому народу, возложив всю ответственность за возможную войну на Польшу [29]. Ответным шагом польского правительства стало обвинение России во вмешательстве во внутренние дела Польши. Польский министр иностранных дел Станислав Патек в беседе с журналистами заявил, что предложения РСФСР являются положительно конкретными и лишь манифест ВЦИК к польским рабочим заставляет усомниться в искренности мирных намерений Советского правительства [72, 6]. Именно Патек стал выразителем непримиримой позиции в отношении России, заявляя, что Польша не примет предложений Советской России и будет воевать «пока не достигнет своих целей» [70].

Недоверие польской стороны к мирным предложениям Советской России,

советская пресса объясняла, со ссылкой на французскую «Тан», необходимостью поляков снестись с Верховным союзным советом, где некоторые члены Совета как Англия прозрачно намекала полякам о необходимости заключить соглашение с Советской Россией. Об этом сообщал в Варшаву польский посол в Лондоне Евстафий Сапега, вынужденный уверять британского премьер-министра Дэвида Ллойд-Джорджа в мирных намерениях в отношении Советской России, отмечая, что Россия направляет значительные подкрепления на западный фронт [6, 7, 71].

Газеты отметили, что и Франция склоняется к миру с Россией. Во всяком случае, можно говорить о некоторых колебаниях Франции в этом вопросе. «Тверская Правда» уверяла читателей, что у империалистов нет общего языка в «русском вопросе», у «каждого свои шкурные интересы в ущерб общему интересу капиталистических стран: интересу уничтожения большевизма» [76]. В целом же, как в английских, так и французских политических кругах имелись как сторонники заключения мира с большевиками, так и противники [28, 69].

Выражая свое недовольство позицией Англии и, даже обвиняя ее в содействии распространению большевизма, польские политические круги выдвигали основным условием мира с Советской Россией независимость Латвии и Литвы, Белоруссии и Украины [7]. Однако, советские газеты опровергали этот тезис польской стороны, сообщая, что поляки мечтают, что их флаги уже весной будут развиваться в Пскове, Смоленске, Киеве и Одессе. Они убеждали своих читателей в том, что буржуазные правительства обманывают своих рабочих мирной риторикой, на самом деле они лихорадочно готовят новое нападение и главными застрельщиками теперь выступают Польша, Латвия и Грузия [5].

Таким образом, согласно сообщениям советской прессы, в позиции

Польша вполне очевидным было стремление оставаться оплотом борьбы с большевизмом, несмотря на внешнее и внутреннее давление. Однако на заседании конференции союзных премьеров в Лондоне 13 февраля было высказано мнение о необходимости заключения мира с Советской Россией окраинными государствами, во избежание могущих быть осложнений, главным образом, на границах Польши [30]. Советская печать восприняла эти шаги как понимание со стороны Антанты возможного поражения Польши в предстоящей войне с большевиками. Кроме того, газеты заявляли, что страны Антанты нуждались в русском хлебе и сырье; да и ситуация в самой Польше выглядела не самым лучшим образом. Польша была занята спорами с Литвой и Германией, польский пролетариат грозил всеобщей забастовкой [31, 74].

Вероятно, все эти события заставили польское правительство быть более благоразумным. По сообщению варшавских газет, польское правительство намеревалось уже в ближайшее время предьявить России свои условия мира, которые уже разрабатываются особой комиссией, и проект польско-русского мирного договора будет представлен еще до начала переговоров для одобрения мирной конференции [73, 75]. Уже в начале марта советские газеты в общих чертах обрисовали польские условия мира. По примеру германского генерала Макса Гофмана, который при заключении Брестского мира, под видом плебисцита, хотел присоединить к Германии негерманские местности, поляки выставляют первое требование: передел границ, якобы согласно интересам и ожиданиям местного населения. Далее они намерены определить еще более «дикие требования»: «чтобы для ратификации мирного договора был созван Россией буржуазный парламент» [8]. Самарская «Коммуна» польские требования назвала бредом «валаамских ослиц», отметив, что «польские белогвардейцы

готовы (!) отказаться от своих первоначальных требований, т.е. относительно границ до первого раздела» [9]. Эту податливость польской стороны объяснял проект мирного договора с Советской Россией, предложенный Юзефом Пилсудским, где было заявлено, что «Польша вступает в мирные переговоры потому, что чувствует недостаток моральной и материальной поддержки со стороны союзников».

Корреспондент бюро «Вольфа» сомневался, что «Польша будет настаивать на границах 1772 г.», по его мнению, она будет требовать лишь те местности Белоруссии, которые населены католиками, обеспечивая самостоятельность Латвии, Эстонии, Финляндии, Литвы и Украины, которым должно быть предоставлено право самоуправления, причем «от России Польша будет требовать гарантий против большевистской заразы и ряда финансово-хозяйственных возмещений».

Он отмечал, что в своих требованиях к Советской России польское правительство заходит так далеко, что намерено настаивать на удалении из Украины Советского правительства и Красной армии. Польша надеется объединить малые государства и командовать ими при мирных переговорах с Советской Россией [10, 11]. Все это указывало на отсутствие у польской стороны желания идти навстречу российским предложениям.

Амбициозность польских планов и нежелание смириться с необходимостью мирных переговоров, заставляли Польшу искать любой повод для затяжки их начала. Надеясь диктовать России условия мирного договора, Польша игнорировала советские предложения о ведении переговоров в нейтральной стране, а не в Борисове, находящемся в полосе военных действий, и о заключении перемирия по всему фронту [12, 45, 46]. Понимая причины в задержке переговоров, Нарком иностранных дел Г. Чичерин обратился с радиотелеграммой к министрам

иностраннных дел Англии, Франции, Италии и к американскому госсекретарю по иностранным делам. Назвав причины разногласий второстепенными, он отметил, что все предложения в качестве места переговоров – одного из эстонских городов, Петрограда, Москвы или Варшавы – были отклонены польским правительством [13]. Так советская сторона пыталась показать союзникам Польши ее истинные намерения.

К началу мая советские газеты стали уверять читателей, что Советская Россия сделала все возможное, чтобы заключить мир с Польшей, которая эту возможность не использовала. Россия неохотно, но все же была вынуждена принять вызов и взяться за оружие, «дабы защитить миллионы жизней рабочих и крестьян Украины, Белоруссии, на которых покушается панская Польша» [32].

Уже в середине мая наметились первые успехи Красной армии в войне с Польшей: были разгромлены две польские дивизии, освобождена громадная территории и захвачены большие трофеи. Вся Минская губерния была охвачена восстаниями. В Лодзи бастовали рабочие, в польских лесах дезертиры формировали черную армию. Все это толкало противников Советской России на переговоры о мире. Первыми в этом были финны и англичане, что было расценено советской стороной как крупная дипломатическая победа России, однако Польша продолжала искать союзников, ведя тайные переговоры с Венгрией о совместных действиях против России. Вологодский «Красный Север», как о свершившемся, сообщал о заключенном договоре Польши о совместных действиях с Румынией. Там же, со ссылкой на английскую «Дейли Геральд», говорилось, что страны Антанты готовят наступление на Советскую Россию [33, 34].

Однако в условиях успешного продвижения красных войск, при сложностях с продовольственным снабжением,

недовольстве крупных промышленников и правительственном кризисе, министр иностранных дел Польши Патеки вынужден был заявить, что после отражения контрнаступления большевиков он вновь хотел начать мирные переговоры с Советской Россией, но этому помешало новое наступление Красной армии [35, 77]. Эти же причины заставили Англию и Францию отречься от помощи Польше. Румыния отказалась от участия в польско-русской войне [47].

В советской прессе стала пропагандироваться мысль о необходимости победы над панской Польшей. Отмечалось, что с панской Польшей мира быть не может, война закончится только тогда, когда польский пролетариат возьмет власть в свои руки и над Варшавой поднимется красный флаг [50, 80]. Только победа «над панской Польшей – путь к миру» [48]. Н. Елизаров убеждал своих читателей в том, что победа над Польшей позволит установить России торговые отношения с Европой и даст мир с окраинами. Советской России она принесет передышку для восстановления хозяйства, даст возможность стать сильнее и непобедимее, даст «возможность жить» [36].

На волне поражений польской армии иностранные газеты стали получать из Варшавы сведения о намерении Польши предложить Советской России мир [49]. Польское осведомительное бюро в Берлине сообщало, что польский посланник в Берлине выехал в Лондон с целью войти в сношения с Л. Б. Красиным по вопросу о начале мирных переговоров [79]. Однако у советской стороны сформировалось стойкое представление, что любое перемирие поляки будут использовать для оттяжки времени, захватывая новые территории и подготавливая новые удары [78].

Чтобы спасти Польшу от поражения в дело вмешались англичане, предложившие Советской России свои посреднические услуги, которые советская сторона нашла странными, так как польское

правительство само могло обратиться к России с мирными предложениями. В отношении же лимитрофных государств советское правительство само без посредничества ведет с ними переговоры, а с некоторыми, как Латвия, мир уже подписан [14, 39, 51].

В обращении советского правительства «К рабочим, крестьянам и всем честным гражданам Советской России и Советской Украины» был обоснован отказ от предложений Англии тем, что вопрос о перемирии с Польшей увязывался с приостановкой наступления красных войск против Врангеля. Советским гражданам сообщалось, что если бы Англия хотела мира, она перестала бы поставлять Польше военное снаряжение. Своими действиями английское правительство пытается успокоить свой рабочий класс. «Наш отказ от враждебного посредничества не означает перемены нашей политики», - отмечалось в обращении [37, 52]. В целом нота Англии была расценена как вмешательство во внутренние дела России.

Поспешил предложить сторонам конфликта свое видение перемирия и Ф. Фош, вырабатывавший условия перемирия, согласно которым Польша и Россия должны остановиться на той линии, на которой они находились к моменту перемирия. Обеим сторонам запрещалось вести какую-либо пропаганду. Условия перемирия должны оставаться в силе до переговоров о мире, до тех пор, пока не будет установлена польско-русская граница. В решении вопроса об установлении границы должны принимать участие союзные державы [15, 53].

Польша уже 22 июля предложила советской стороне заключить немедленное перемирие и открыть мирные переговоры. Однако, несмотря на согласие России и прибытие 30 июля в Барановичи польской делегации с полномочиями начать переговоры только о перемирии, советское правительство отнеслось недоверчиво к этой инициативе поляков. Советские газеты

писали, что таким образом поляки хотят получить возможность для восстановления своих сил для того, чтобы вновь обрушиться на Россию. Советское правительство дало понять польской делегации, что оно согласится на переговоры только с условием гарантий мира в целом. Для подкрепления этой мысли «Тверская Правда», ссылаясь на беседу с заместителем премьер-министра Польши Иг. Дашинским французского социалиста Луи-Эрнеста Лафона, в которой Дашинский, якобы, заявил: «Он оценивает перемирие с Россией, как передышку, долженствующую обеспечить сосредоточение военных сил нового удара против Советской России» [38, 81, 82].

Желание Советской России говорить о перемирии только в контексте мирного договора и отказ от посреднической роли Англии привели к перерыву в англо-русских торговых переговорах. Как сообщали советские газеты, Ллойд-Джордж увязывал торговые переговоры с необходимостью перемирия с Польшей [38, 83]. В статье Г. Устинова «Начало конца», опубликованной в «Советской Сибири», отмечалось, что английская дипломатия таким приемом уже однажды спасла бороду Врангеля. Он называл и «военного противника Советской России» - это Франция, которая помогает Польше. Англия, по его мнению, открыто не участвуя в конфликте, будет подталкивать на это Францию. Таким образом, он показывает, что конфликт становится международным и приобретает классовый характер [54].

Наркоминдел также опубликовал сообщение, рисуящее провокационную политику Англии в деле мирных переговоров. Министр иностранных дел Англии Джордж Керзон в заявлении от 20 июля сообщил, что Англия не настаивает на своем непосредственном участии в переговорном процессе и советуют Польше немедленно начать переговоры. Керзон предупредил, что дальнейший отказ советского правительства от переговоров с Польшей повлечет за собой помощь ей со стороны

союзников. Последовавшее мирное предложение Польши в России было встречено настороженно. Действительно Польша предложила начать переговоры о мире, но она не наделила соответствующими полномочиями своих представителей.

29 июля Керзон выдвинул новое требование: в переговорный процесс Польша-Россия должны быть включены окраинные государства, не заключившие с Россией мира, грозя, в противном случае вмешательством союзников. Для советского правительства было очевидным, что главной причиной настойчивости Англии, является стремление спасти Польшу от продвигавшихся вперед частей Красной армии. 4 августа глава правительства Д. Ллойд-Джордж и лорд-хранитель Малой печати Эндрю Бонар-Лоу вызвали Л. Б. Красина и Л. Б. Каменева и открыто заявили, что, если советские войска будут продвигаться на Варшаву, то будет возобновлена блокада. На следующий день Каменев заявил, что советское правительство требует гарантий заключения мира с Польшей [39, 54, 55, 57].

Польша, в свою очередь, выдвинула условия перемирия, которые сводились: «1) к гарантии независимости Польши; 2) невмешательство во внутренние дела; 3) Польша ни в коем случае не согласится на разоружение, даже и частичное своей армии; 4) пограничная линия принимается предложенная Ллойд Джорджем; 5) поляки сохраняют право установить другую линию» [40]. Причем позиция поляков была весьма принципиальной и бескомпромиссной. И. Дашинский в беседе с французским журналистом заявил, что об уступке Вильно и Восточной Галиции России не может быть и речи. В крайнем случае, Вильно может стать столицей Литовско-Белорусской федерации при обязательном участии Польши.

Таким образом, новое польское правительство намерено проводить Великопольскую программу, положив ее в основу русско-польских переговоров, руководителем

которых по все вероятности будет Дашинский, - писала «Тверская Правда» [84].

Советское правительство предложило свои условия перемирия с Польшей: численность польской армии не должна превышать 50.000, а командный состав 10.000. «Кроме того вооружаются городские и промышленные рабочие Польши, состоящие в профсоюзах, под контролем комиссии из представителей рабочих и профессиональных организаций РСФСР, Польши и Норвегии. Демобилизация военной промышленности. Польша обязуется не пропускать и не помогать враждебные РСФСР силы. Предметы военного снаряжения польской армии передаются РСФСР и УССР. Окончательная граница в основном совпадает с линией лорда Керзона, но Польша получает несколько большую территорию в районе Белостока и у Холма [58, 85].

Все это происходило уже в условиях, когда Красная армия с трех сторон окружила Варшаву. Советские войска, заняв Млаву, оказались в 60 вёрстах от Алленштайна, где на германской границе стояли войска Антанты. В этих условиях в Англии стали рассматривать Советскую Россию, как равного партнера. «Русское правительство фактически является признанным», - заявлял лондонский орган Ллойд-Джорджа [56].

17 августа в Минске начались мирные переговоры между делегатами РСФСР и УССР с одной стороны и делегатами польского правительства – с другой. 19 августа состоялось второе заседание мирной конференции в Минске, где польские представители заявляли, что «Польша не хотела войны. Польские войска занимали землю, соединенную некогда с польской республикой, лишь желая свободного решения самими народами своих судеб». «Россия же старается силой ввести в Польшу советский строй. Польские условия мира заключаются в полной ненарушимости польской республики и невмешательства во внутренние дела».

Русско-украинская делегация предложила более обширный перечень своих условий, состоящий из 15 пунктов. Глава делегации, Карл Данишевский выступил с протестом против оттяжки переговоров польской стороной, возложив на нее все «кровавые последствия» [41].

20 августа войска Красной армии начали отступление. Советские газеты обозначали это, как «частичный отход наших войск на новые позиции в Ногогеоргиевском, Варшавском и Брест-Литовском районах», отмечая высокую боеспособность польской армии. «Конечно, все вместе взятое нисколько не значит, что Варшава останется в панских руках. Нет! Варшава будет советской, - заявляла «Тверская Правда» [86].

23 августа состоялось третье заседание польской и русско-украинской делегации по мирным переговорам. На этом заседании председатель польской делегации Роман Дмовский высказался по поводу основных положений мирного договора, предложенных советским правительством, признав, в общем, эти предложения неприемлемыми. Особенно раздражало поляков требование создания рабочей милиции [87].

Пункт условий о вооружении рабочих вызвал резкое неприятие не только с польской стороны, но и других стран-союзниц. В частности, Англия и Италия выступили совместно против этого пункта, подчеркнув его категорическую неприемлемость. В ответной ноте Советского правительства предлагалось ограничить польскую армию в 50.000, но допустить образование рабочей милиции. Однако Россия заявила, что, стремясь к миру не только с Польшей и Великобританией, она решила идти на уступки, не настаивая на пункте об образовании рабочей милиции в Польше [16]. Член британского правительства А. Бальфур выразил удовлетворение по поводу отказа советского правительства от создания рабочей милиции в Польше, на что в ответной ноте Чичерин

заявил: «**Мир наша основная цель**, и война России с Польшей есть только эпизод этой борьбы за мир» [43, 61].

О возможности уступок говорил на заседании мирной конференции в Минске руководитель советской делегации П. Г. Смидович. Не принципиальным для советской стороны было и место проведения переговоров, а потому Россия и Украина согласились на предложение Польши о переносе переговоров из Минска в Ригу, что было подтверждено 1-го сентября за подписью Чичерина и Раковского [59]. Вероятно, именно такая позиция России придала решительность требованиям со стороны Англии, Италии и Франции к польскому правительству, которому рекомендовали не предъявлять чрезмерно высоких требований и не продвигаться далее границ, намеченных союзниками. Такой же совет последовал со стороны США [60, 88].

Все это дало надежду на скорое подписание мира, о чем сообщал в парижских газетах польский министр иностранных дел Е. Сапега. Причем отмечалось отсутствие весомых причин для иного исхода дел [17, 42].

Однако отступление красных войск от Варшавы ярко отразилось и на ходе мирных переговоров с Польшей и на налаживающихся мирных отношениях с Англией. В надежде на успешное продолжение военных действий, поляки затягивали переговоры. Задача же советской дипломатии заключалась в том, чтобы не дать затянуть переговоры [89]. Теперь, когда советские войска «отхлынули» от Варшавы, Англия заговорила языком угроз, заявляя, что условия России несправедливые, захватнические; что Россия вмешивается во внутренние дела Польши, попирая права польского народа и т.д. Польша воспользовалась этим как поводом, и двухнедельные переговоры оказались безрезультатными. Но ослабление польской армии и усиление красных войск повлекли за собой желание

польского правительства немедленно начать прерванные мирные переговоры [43, 62]. Более того, польский министр иностранных дел Сапега, уверял в совершеннейшем миролюбии польского правительства. По его словам, миролюбие поляков доходит до того, что они отказываются от создания буферных государств, между Польшей и Советской Россией. Наоборот, польское правительство искренне, стремится к непосредственным мирным сношениям с Советской Республикой. Советские же газеты говорили о лицемерии польского правительства и заверяли своих читателей в том, что польская армия слабеет, а Красная армия с каждым днем растет. «Они знают, что красная армия, получив подкрепление, прыгнет не только до Варшавы, но и за нее, т.е. последним панским успехам будет ломаный грош цена». С Сапегой можно говорить только с позиции силы, заключала газета [43, 90].

Эта уверенность в нежелании Польши мириться давала повод советской стороне говорить языком войны. Наркомвоенмор Л. Д. Троцкий в статье «Нужен второй урок» писал: «польское правительство мира не хочет. Пилсудский об этом открыто заявил в польской печати. Он возвестил, что целью польского правительства является окончательной разгром военной силы Советской России. Правительство Пилсудского после наших бурных успехов в июле-августе, как будто отрезвилось, но стоило красным войскам остановиться и отступить назад, как полученный урок сразу позабыл правительством Польши. Мы стремимся к прекращению войны. Если нам мира не дают, мы сумеем его взять. Если Пилсудскому мало одного урока, мы ему дадим другой» [18].

Такой настрой России был обусловлен еще и тем, что польская сторона предъявляла условия явного победителя, каковым она ни в коем случае не была. Польская делегация требовала, чтобы граница прошла по линии русско-немецких

окопов, чтобы Россия возместила Польше убытки, понесенные от царизма, чтобы демобилизация была произведена обеими сторонами [64, 91]. Причем, председатель польской делегации Домский заявил, что «переговоры в Риге являются продолжением мирных переговоров, и польские условия мира не находятся в зависимости от теперешнего военного положения Польши, что первым условием польской делегации не подвергались никакому серьезному изменению» [19].

Решительность советской стороны, и понимание ее потенциала заставил союзников Польши, прежде всего, в лице Франции рекомендовать Польше умерить аппетиты, предъявив советскому правительству более скромные требования. Французский председатель Совета министров и министр иностранных дел А. Мильеран заявил, что союзники с негодованием отнесутся к новому наступлению поляков на русскую территорию [63].

Под давлением союзников польская делегация 14 сентября отправилась в Ригу. Польские газеты заполнились статьями о начавшихся мирных переговорах, выражая желание мира. Однако это не могло обмануть советскую сторону, которая не верила в их искренность. Самарская «Коммуна» отмечала, что в некоторых польских газетах проскальзывают фразы, говорившие о неверии самих поляков в продолжительный мир с Советской Россией [20]. Несмотря на это ВЦИК принял постановление с рекомендацией советской делегации объявить новые условия мира на совещании в Риге, которые указывали на явные уступки со стороны Советской России. Советское правительство отказывалось от своих требований о сокращении численности польской армии, демобилизации ее военной промышленности и выдачи оружия. Восточная Галиция оставалась за пределами Советской России. Срок для принятия этих условий – 10 дней [21].

В условиях обоюдного недоверия 21-

го сентября возобновились прерванные ранее переговоры. Российско-украинская делегация вручила польской делегации проект прелиминарного мира, в котором предусматривалась независимость и суверенность белорусской, литовской и украинской республик. Населению Восточной Галиции предоставлялось право установить свою судьбу путем опроса на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Признавалась самостоятельность и независимость польской республики и устанавливалась граница и целый ряд других условий, в общем предусмотренных в заявлении [22, 65, 92].

Советское правительство явно не хотело входить в зимний период в состоянии войны. Заявление ВЦИК, отмечая возможные последствия, что «Российское Советское правительство и высший законодательный орган республики ВЦИК считает своим долгом принять все меры, принести даже тяжелые жертвы лишь бы достигнуть мира, положить конец кровопролитию и избежать одинаково тяжелой для обеих сторон зимней кампании». ВЦИК предлагал в короткий срок заключить соглашение на основе самоопределения для всех областей, территориальные границы которых оспаривались во время войны. РСФСР признала независимость и суверенитет Польской республики, Украины и Белоруссии. Польше предлагается признать суверенитет Украины, Литвы и Белоруссии и независимость Восточной Галиции; признать те представительные органы (сеймы, парламенты и съезды советов), которые существуют в каждой из этих стран. В Восточной Галиции следовало провести плебисцит, но не по советскому принципу (трудящиеся), а по обычному буржуазно-демократическому принципу. Советской делегации рекомендовалось подписать немедленное соглашение, оставляя в стороне спорные вопросы и разногласия, но сохраняя общие принципы, без которых соглашение было бы невозможно. «1. Правительство РСФСР, принимая к сведению

заявление польской делегации о неприемлемости для нее первоначальных условий русско-украинской делегации о сокращении численности польской армии, о демобилизации ее военной промышленности, о выдаче ею оружия и о переходе в полную собственность РСФСР железной дороги Волковиск-Граево, отказывается от этих условий и выражает готовность в этом же смысле сделать предложение союзной Украинской республике.

2. РСФСР готова немедленно подписать перемирие и прелиминарные условия мира на основе признания границей между Польшей и Россией линии, проходящей значительно восточнее – границы, установленной Верховным Союзным Советом 3-го декабря 1919 г. с тем, чтобы Восточная Галиция остается на запад от этой границы» [66].

На совещании председателей был подписан протокол согласно которому «ввиду достигнутого на конференции председателей с обеих сторон соглашения по всем основным вопросам, помогающего ей в борьбе против рабочего класса прелиминарного (предварительного) мира и перемирия и прелиминарных условиях мира между Россией и Украиной с одной стороны и Польшей с другой, не позднее пятницы, 8-го сего октября» [23]. Однако к 8-му октября конференция не успела закончить формулирование статей перемирия, и подписание прелиминарного мирного договора в условленный день не могло состояться. Однако не возникло сомнения, что в кратчайший срок договор будет подписан. Причем была принята статья, в которой обе договаривающиеся стороны обязывались немедленно, после подписания договора о перемирии, вступить в переговоры о заключении мира [24].

Спустя неделю, 12 октября, был подписан договор о перемирии и предварительных условиях мира между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой. Прекращение военных действий должно было наступить только с 18 октября.

Результаты этого договора стороны оценили по-разному. Глава польской делегации Ян Домбский в заключительной речи сказал: «Достигнут мир-соглашение справедливый без победителей и побежденных».

В советской же прессе это соглашение рассматривалось лишь как возможность «быстро и решительно расправиться с крымскими черносотенными бандами барона Врангеля». А затем «добьемся и подпишем мир и с польскими рабочими и крестьянами – мир действительно без победителей и побежденных, мир равных с равными, – мир с пролетариями всего мира», – писал С. Панкратов в «Красном Севере» [44, 67, 93].

Несколько иного мнения был руководитель русско-украинской делегации на переговорах А. Иоффе, который высказывал надежду, «что мир этот будет прочным» по причине слабости польской армии, хозяйственной разрухи в стране и нежелания польских солдат и народа воевать [94]. Такой уверенности не было у других советских руководителей. На чрезвычайной сессии ВЦИК Г. Чичерин отметил, что Рижский договор, несомненно, тяжелый, – Россия пошла на территориальные уступки и, тем не менее, он означает отказ со стороны Польши от создания «забора» фиктивных буферных государств, отказ от поддержки Врангеля, содействия восстановлению в России реакционного режима [95].

Мнение о невыгодности и недолговечности мира стало общим местом в рассуждениях советских политических деятелей. На сессии ВЦИК об этом говорил не только Чичерин, но и выступивший в прениях К. Радек. Несмотря на ратификацию предварительного мира польским сеймом, у советской стороны существовало убеждение, что этот мир не прочен [25]. Причина этого крылась не только в постоянных нарушениях условий перемирия с польской стороны, но и в деятельности войск С. Петлюры. Составляющие нераздельную часть польской армии,

подчиненные польскому командованию они в нарушение договора, продолжали вести боевые действия против России и Украины. Советские газеты подчеркивали негативную роль французского правительства, которое «подзуживало» Польшу в борьбе против России и поддерживало не только Петлюру, но и С. Булак-Балаховича и Б. Савинкова [26, 97]. Об этом же писал в «Советской Сибири» Ин. Стуков, призывавший «быть на страже», так как после заключения перемирия в Риге Польша не намерена выполнять взятые на себя по договору условия. Он заключал: «Таковы наши враги, заключающие с нами мир. На что рассчитывают они? Рассчитывать им не на что, они обречены. Но именно потому они прут, что называется, на рожон. Ими руководит слепая, бешеная ненависть, исключаяющая всякую логику, всякий здравый смысл. Ими руководит слепой ужас и отчаяние» [68].

Такой взгляд явно расходился с мнением польского министра иностранных дел Е. Сапеги, который заверял Народного

Комиссара по иностранным делам Г. Чичерина: «Я твердо верю, что для примирившихся государств настала эра мира и благополучия. Мирные страны могут посвятить себя делу экономического возрождения на благо всему человечеству» [96]. Насколько эти заверения были убедительны для советской стороны, сказать трудно, но очевидно, что тень недоверия лежала на советско-польских отношениях.

Таким образом, на всем протяжении советско-польского противостояния советские газеты подчеркивали несамостоятельность действий Польши, которая находилась в фарватере французской политики. Они формировали образ Польши как агрессивного соседа, не стремящегося к добрососедским отношениям, правительство которого игнорировало мирные предложения Советской России.

Для читателей становилось понятным настороженное отношение советского правительства не только к мирным предложениям польской стороны, но и достигнутым договоренностям.

Список литературы

1. Бабенко О. В. Польша в системе международных отношений (1919–1939 гг.). Аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 2011. – 82 с.
2. РОССИЯ И БЕЛАРУСЬ: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ. Материалы международной научной конференции «Польско-советская война 1919–1920 гг.: эволюция историографических оценок (к 100-летию начала войны)» (Смоленск, 10–11 октября 2019 г.). Выпуск пятый. Смоленск: Издательство СмолГУ, 2019. – 370 с.
3. БЕЛАРУСЬ І СУСЕДЗІ: ШЛЯХІ ФАРМАВААННЯ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ, МІЖНАЦЫЯНАЛЬНЫЯ І МІЖДЗЯРЖАЎНЫЯ АДНОСІНЫ. Зборнік навуковых артыкулаў. Выпуск 7. Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2020. – 165 с.
4. Барынкин А. В. Вторая речь Посполитая в отражении советской политической пропаганды 1919-1921 годов (по материалам газеты «Правда») // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2012. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vtoraya-rech-pospolitaya-v-otrazhenii-sovetskoy-politicheskoy-propagandy-1919-1921-godov-po-materialam-gazety-pravda> (дата обращения: 03.02.2021).
5. Красный Север. 1920. 28 января.
6. Коммуна. 1920. 7 февраля.
7. Коммуна. 1920. 11 февраля.
8. Коммуна. 1920. 3 марта.
9. Коммуна. 1920. 5 марта.
10. Коммуна. 1920. 12 марта.

11. Коммуна. 1920. 14 марта.
12. Коммуна. 1920. 10 апреля.
13. Коммуна. 1920. 14 апреля.
14. Коммуна. 1920. 23 июля.
15. Коммуна. 1920. 28 июля.
16. Коммуна. 1920. 4 сентября.
17. Коммуна. 1920. 7 сентября.
18. Коммуна. 1920. 12 сентября.
19. Коммуна. 1920. 19 сентября.
20. Коммуна. 1920. 25 сентября.
21. Коммуна. 1920. 26 сентября.
22. Коммуна. 1920. 2 октября.
23. Коммуна. 1920. 7 октября.
24. Коммуна. 1920. 12 октября.
25. Коммуна. 1920. 29 октября.
26. Коммуна. 1920. 31 октября.
27. Красный Север. 1920. 28 января.
28. Красный Север. 1920. 3 февраля.
29. Красный Север. 1920. 8 февраля.
30. Красный Север. 1920. 17 февраля.
31. Красный Север. 1920. 22 февраля.
32. Красный Север. 1920. 1 мая.
33. Красный Север. 1920. 22 мая.
34. Красный Север. 1920. 26 мая.
35. Красный Север. 1920. 12 июня.
36. Красный Север. 1920. 13 июня.
37. Красный Север. 1920. 22 июля.
38. Красный Север. 1920. 6 августа.
39. Красный Север. 1920. 10 августа.
40. Красный север. 1920. 12 августа.
41. Красный Север. 1920. 22 августа.
42. Красный Север. 1920. 8 сентября.
43. Красный Север. 1920. 10 сентября.
44. Красный Север. 1920. 15 октября.
45. Советская Сибирь. 1920. 4 апреля.
46. Советская Сибирь. 1920. 9 апреля;
47. Советская Сибирь. 1920. 15 июня.
48. Советская Сибирь. 1920. 19 июня.
49. Советская Сибирь. 1920. 22 июня.
50. Советская Сибирь. 1920. 26 июня.
51. Советская Сибирь. 1920. 20 июля.
52. Советская Сибирь. 1920. 22 июля.
53. Советская Сибирь. 1920. 4 августа.
54. Советская Сибирь. 1920. 6 августа.
55. Советская Сибирь. 1920. 8 августа.
56. Советская Сибирь. 1920. 15 августа.
57. Советская Сибирь. 1920. 17 августа.
58. Советская Сибирь. 1920. 21 августа.

59. Советская Сибирь. 1920. 5 сентября.
60. Советская Сибирь. 1920. 7 сентября.
61. Советская Сибирь. 1920. 10 сентября.
62. Советская Сибирь. 1920. 11 сентября.
63. Советская Сибирь. 1920. 12 сентября.
64. Советская Россия. 1920. 18 сентября.
65. Советская Сибирь. 1920. 29 сентября.
66. Советская Сибирь. 1920. 3 октября.
67. Советская Сибирь. 1920. 15 октября.
68. Советская Сибирь. 1920. 10 ноября.
69. Тверская Правда. 1920. 4 февраля.
70. Тверская Правда. 1920. 5 февраля.
71. Тверская Правда. 1920. 11 февраля;
72. Тверская Правда. 1920. 12 февраля.
73. Тверская Правда. 1920. 18 февраля.
74. Тверская Правда. 1920. 19 февраля.
75. Тверская Правда. 1920. 20 февраля.
76. Тверская Правда. 1920. 25 февраля.
77. Тверская Правда. 1920. 13 июня.
78. Тверская Правда. 1920. 26 июня.
79. Тверская Правда. 1920. 3 июля.
80. Тверская Правда. 1920. 29 июля.
81. Тверская Правда. 1920. 4 августа.
82. Тверская Правда. 1920. 5 августа.
83. Тверская Правда. 1920. 6 августа.
84. Тверская Правда. 1920. 10 августа.
85. Тверская Правда. 1920. 14 августа.
86. Тверская Правда. 1920. 22 августа.
87. Тверская Правда. 1920. 27 августа.
88. Тверская Правда. 1920. 5 сентября.
89. Тверская Правда. 1920. 7 сентября.
90. Тверская Правда. 1920. 10 сентября.
91. Тверская Правда. 1920. 18 сентября.
92. Тверская Правда. 1920. 29 сентября.
93. Тверская Правда. 1920. 15 октября.
94. Тверская Правда. 1920. 22 октября.
95. Тверская Правда. 1920. 27 октября.
96. Тверская Правда. 1920. 30 октября.
97. Тверская Правда. 1920. 31 октября.

SOVIET PROVINCIAL SEAL ON THE POLISH-SOVIET TRUCE OF 1920

Based on the analysis of the reports of the provincial press on the negotiation process, the article considers the relations between Poland and Russia until the conclusion of a truce on October 12 and the preconditions for peace. A study of provincial newspapers, such as «Tverskaya Pravda», Vologda «Red North», Novosibirsk «Soviet Siberia» and Samara «Commune», shows that the Soviet press throughout this process formed completely opposite images of Russia and Poland. Soviet Russia was painted by a country seeking the peaceful construction of a new society, in the path of which the aggressive countries of capitalism stood. And the role of Poland in this confrontation was the most important. Poland sought to become a buffer between the West and Bolshevik Russia, to which it was actively pushed by France and other capitalist countries. Poland's

behavior in the negotiation process was subject to fluctuations depending on the attitude of the allied countries to it and the situation on the fronts of the Polish-Soviet war. Only the successes of the Red Army and the fear of the final defeat of Poland made it and the allies more flexible in the negotiation process. In Soviet society, mistrust was affirmed not only of the peace proposals of the Polish side, but also of the agreements reached.

Keywords: Poland, Soviet Russia, image, negotiation process, capitalism countries, confrontation, truce, treaty.

References

1. Babenko, O. V. (2011). Pol'sha v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy (1919–1939 gg.). Analiticheskiy obzor. [Poland in the system of international relations (1919–1939). Analytical review]. Moskva.: INION RAN. – 82 s.

2. ROSSIYA I BELARUS': ISTORIYA I KUL'TURA V PROSHLOM I NASTOYASHCHEM. (2019). Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Pol'sko-sovetskaya vojna 1919–1920 gg.: evolyutsiya istoriograficheskikh otsenok (k 100-letiyu nachala voyny)» (Smolensk, 10–11 oktyabrya 2019 g.). Vypusk pyatyy. [RUSSIA AND BELARUS: HISTORY AND CULTURE IN THE PAST AND PRESENT]. Smolensk: Izdatel'stvo SmolGU, 2019. – 370 s.

3. BIELARUŚ I SUSIEDZI: ŚLIACHI FARMIRAVANNIA DZIARŻAŃNASCI, MIŻNACYJANAŃNYJA I MIŻDZIARŻAŃNYJA ADNOSINY. (2020). Zbornik navukovykh artykulaŭ. Vypusk 7. [BELARUS AND NEIGHBORS: WAYS OF STATE FORMATION, INTERNATIONAL AND INTERSTATE RELATIONS]. Homieŭ: HDU imia F. Skaryny. – 165 s.

4. Barynkin, A. V. (2012). Vtoraya rech' Pospolitaya v otrazhenii sovetskoj politicheskoy propagandy 1919-1921 godov (po materialam gazety «Pravda») [The second speech of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the reflection of the Soviet political propaganda of 1919-1921 (based on the newspaper "Pravda")]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnyye otnosheniya. [Bulletin of St. Petersburg University. Political science. International relationships]*, 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vtoraya-rech-pospolitaya-v-otrazhenii-sovetskoj-politicheskoy-propagandy-1919-1921-godov-po-materialam-gazety-pravda> (дата обращения: 03.02.2021).

5. Red North. 1920.28 January.

6. Commune. 1920.7 February.

7. Commune. 1920.11 February.

8. Commune. 1920.3 March.

9. Commune. 1920.5 March.

10. Commune. 1920.12 March.

11. Commune. 1920.14 March.

12. Commune. 1920.10 April.

13. Commune. 1920.14 April.

14. Commune. 1920.23 July.

15. Commune. 1920.28 July.

16. Commune. 1920.4 September.

17. Commune. 1920.7 September.

18. Commune. 1920.12 September.

19. Commune. 1920.19 September.

20. Commune. 1920.25 September.

21. Commune. 1920.26 September.

22. Commune. 1920.2 October.

23. Commune. 1920.7 October.

24. Commune. 1920.12 October.
25. Commune. 1920.October 29.
26. Commune. 1920.31 October.
27. Red North. 1920.28 January.
28. Red North. 1920.3 February.
29. Red North. 1920.8 February.
30. Red North. 1920.17 February.
31. Red North. 1920.22 February.
32. Red North. 1920.1 May.
33. Red North. 1920.22 May.
34. Red North. 1920.26 May.
35. Red North. 1920.12 June.
36. Red North. 1920.13 June.
37. Red North. 1920.22 July.
38. Red North. 1920.6 August.
39. Red North. 1920.10 August.
40. Red north. 1920.12 August.
41. Red North. 1920.22 August.
42. Red North. 1920.8 September.
43. Red North. 1920.10 September.
44. Red North. 1920.15 October.
45. Soviet Siberia. 1920.4 April.
46. Soviet Siberia. 1920.9 April;
47. Soviet Siberia. 1920.15 June.
48. Soviet Siberia. 1920.19 June.
49. Soviet Siberia. 1920.22 June.
50. Soviet Siberia. 1920.26 June.
51. Soviet Siberia. 1920.20 July.
52. Soviet Siberia. 1920.22 July.
53. Soviet Siberia. 1920.4 August.
54. Soviet Siberia. 1920.6 August.
55. Soviet Siberia. 1920.8 August.
56. Soviet Siberia. 1920.15 August.
57. Soviet Siberia. 1920.17 August.
58. Soviet Siberia. 1920.21 August.
59. Soviet Siberia. 1920.5 September.
60. Soviet Siberia. 1920.7 September.
61. Soviet Siberia. 1920.10 September.
62. Soviet Siberia. 1920.11 September.
63. Soviet Siberia. 1920.12 September.
64. Soviet Russia. 1920.September 18.
65. Soviet Siberia. 1920.September 29.
66. Soviet Siberia. 1920.3 October.
67. Soviet Siberia. 1920.15 October.
68. Soviet Siberia. 1920, November 10.
69. Tverskaya Pravda. 1920.4 February.
70. Tverskaya Pravda. 1920.5 February.
71. Tverskaya Pravda. 1920.11 February;

72. Tverskaya Pravda. 1920.12 February.
73. Tverskaya Pravda. 1920 18 February.
74. Tverskaya Pravda. 1920.19 February.
75. Tverskaya Pravda. 1920.20 February.
76. Tverskaya Pravda. 1920.25 February.
77. Tverskaya Pravda. 1920, 13 June.
78. Tverskaya Pravda. 1920.26 June.
79. Tverskaya Pravda. 1920.3 July.
80. Tverskaya Pravda. 1920.29 July.
81. Tverskaya Pravda. 1920.4 August.
82. Tverskaya Pravda. 1920.5 August.
83. Tverskaya Pravda. 1920.6 August.
84. Tverskaya Pravda. 1920.10 August.
85. Tverskaya Pravda. 1920.14 August.
86. Tverskaya Pravda. 1920.22 August.
87. Tverskaya Pravda. 1920.27 August.
88. Tverskaya Pravda. 1920.5 September.
89. Tverskaya Pravda. 1920.7 September.
90. Tverskaya Pravda. 1920.10 September.
91. Tverskaya Pravda. 1920.September 18.
92. Tverskaya Pravda. 1920.September 29.
93. Tverskaya Pravda. 1920.15 October.
94. Tverskaya Pravda. 1920.22 October.
95. Tverskaya Pravda. 1920.27 October.
96. Tverskaya Pravda. 1920.30 October.
97. Tverskaya Pravda. 1920.31 October.

Об авторе

Брянцев Михаил Васильевич - доктор исторических наук, профессор, зав. Кафедрой теории и истории государства и права, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: bmwbox@mail.ru

Bryantsev Mikhail Vasilievich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Head. Department of Theory and History of State and Law, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University (Russia), E-mail: bmwbox@mail.ru